

## ФИЛОЛОГИЯ И ЛИНГВИСТИКА

*Лазарева Маргарита Николаевна*

канд. филол. наук, доцент

зав. кафедрой латинского языка

ПГФА

г. Пермь, Пермский край

### О СООТНОШЕНИИ УНИВЕРСАЛЬНОГО И ЛИНГВОСПЕЦИФИЧНОГО В НАУЧНОЙ КАРТИНЕ МИРА РАСТЕНИЙ

***Аннотация.** сопоставительный анализ мотивировочных признаков номинации растений, функционирующих в латинской и русской ботанических номенклатурах, выявил наличие универсальных черт и лингвоспецифичных особенностей, обусловленных ролью национально–культурных факторов на формирование научной картины мира на русском языке.*

***Ключевые слова:** латинская и русская ботанические номенклатуры, мотивировочные признаки номинации, сопоставительный анализ, универсальные черты, лингвоспецифичные особенности, научная картина мира растений.*

Одним из направлений современного языкознания являются исследования, находящиеся на пересечении когнитивной лингвистики и лингвокультурологии. Наряду с изучением языка как средства коммуникации и познания, особую актуальность приобрела тенденция изучения языка как совокупности культурных кодов, которыми оперирует человеческое сознание при отображении и репрезентации языковой картины мира. Актуальность подобных исследований побудила нас проанализировать факты межъязыкового сходства или расхождения через призму языковой системности в определенном фрагменте картины мира, имеющем отношение к растениям.

Ботаническая номенклатура на латинском языке представляет собой фрагмент научной, или концептуальной картины мира, отражающей совокупность научных знаний о растительном мире на данном историческом этапе. Она представляет собой некий инвариант универсального научного знания, которое за-

печатлено в языковой оболочке латинского языка. Соответственно, национальная ботаническая номенклатура на русском языке является инвариантом научного знания о мире растений, которое представлено в языковой оболочке русского языка.

Содержание понятийного компонента в международной и национальной номенклатурах имеет большое сходство в силу универсальности способов познания окружающего мира. Известно, что при познании мира и объективации своих знаний человек использует фиксированный набор признаков, при помощи которых становится возможной классификация и систематизация объектов познания. Такие универсальные категории присутствуют в сознании носителя любого языка, поскольку они отражают общечеловеческие законы логики.

Наряду с этим существует область сознания, представляющая национально–психологические особенности мышления того или иного народа, присущие только ему представления и ценности. Прежде всего, эти особенности находят свое выражение в различиях терминологической номинации, а именно, в выборе первоначального мотивационного признака при номинации растений. Эти факторы обуславливают национальную специфику фрагмента научной картины мира, запечатленного в ботанической номенклатуре на русском языке, в которой нашли отражение не только особенности мировосприятия и внутреннего мира, свойственные носителям русского языка, но и материальная культура, окружающий мир. Отражение объективной действительности происходит в процессе выбора признака предмета, берущегося за основу наименования и превращенного в представителя этого предмета на языковом уровне. Понять это помогает этимологическое толкование наименования растения.

Целью работы явился сопоставительный анализ признаков мотивации названий растений в латинской и русской ботанических номенклатурах и выявление универсального и национального аспектов в данном фрагменте научной картины мира. В качестве объекта исследования были взяты латинские и русские названия лекарственных растений, используемые в ботанических номенклатурах на латинском и русском языках.

Прежде всего, необходимо выяснить, каким образом ботаническая номенклатура на латинском языке стала выполнять функции инварианта универсального научного знания в данном фрагменте действительности. Создатель научной ботанической номенклатуры К. Линней упорядочил мир растений на глубоких внутренних основаниях. Для того чтобы охватить и упорядочить огромное разнообразие растительных форм, необходимо было в известном смысле расторгнуть стихийно сложившиеся связи между словами и обозначенными ими предметами и построить искусственный язык, который преодолел бы, «нечёткость лингвистических объектов, являющуюся качеством естественного языка» [Пиотровский 1979: 42]. Этот вторичный язык был создан на основе греко–латинских корней и слов, в которых будто бы случайно, но порой удивительно точно подмечались природные особенности растений, их свойства и лечебное воздействие. Отсюда следует весьма важное положение об объективном, объяснительном, метаязыковом характере научного ботанического наименования.

Международная ботаническая номенклатура как инвариант научного знания о мире растений оказала значительное влияние на формирование национальной ботанической терминосистемы, которое выразилось в использовании единых словообразовательных моделей, в частности, в закреплении в русской номенклатуре большого количества заимствованных наименований, образованных путём *транскрипции*, при которой сохраняется ее звуковая форма, (например: ламинария – *Laminaria*, кассия – *Cassia*, арника – *Arnica*, амми – *Ammi*, алоэ – *Aloë*, олива – *Oliva* и др.), *транслитерации*, при которой слово читается по правилам русского языка (фенхель – *Foeniculum*, эвкалипт – *Eucalyptus*, строфант – *Strophanthus*, алтей – *Althaea*, родиола – *Rhodiola*, софора – *Sophora*), причем используется прямое заимствование и заимствование через язык–посредник: барвинок – из *лат.* *pervinca* через польск. *barwinek*; шалфей – через *польск.* *szalwia* из *нем.* *Salveie*, миндаль – из *польск.* *migdal*, которое в свою очередь заимствовано из *греч.* *amygdalos* «миндальное дерево», чай – от *кит. диал.* ча.

Влияние латинской номенклатуры выразилось также в закреплении определенного набора мотивировочных признаков, передаваемых посредством калькирования, то есть поморфемного перевода латинского фитонима, например: тысячелистник – *Millefolium*, пастушья сумка – *Bursa-pastoris*, красавка – *Belladonna*, кровохлёбка – *Sanguisorba*, стратоцвет – *Passiflora*, а также в номинации растений именами собственными, в том числе, мифологическими именами, именами ученых, царственных особ и других известных личностей, например: адонис – *Adonis* (любимец Афродиты), валериана – *Valeriana* (в честь римского императора Валериана), раувольфия – *Rauwolfia* (в честь немецкого врача и ботаника Rauwolf), левзея – *Leuzea* (в честь французского ботаника de Leuze). Наличие заимствований и единых словообразовательных моделей свидетельствует о наличии языковых универсалий, которые отражают универсальный характер концептуальной картины мира, запечатлённой на латинском и русском языках.

Вместе с тем важно отметить, что при создании латинской ботанической номенклатуры К. Линней широко использовал древние названия широко известных растений, которые встречались в произведениях древнегреческих и латинских авторов (например, в поэме древнеримского поэта П. Вергилия «Георгики», 1 в. н.э.). К. Линней лишь формально явился автором многих названий, поскольку с точки зрения Международного кодекса ботанической номенклатуры названия растений, обнародованные до 1 мая 1753 года, не считались общепризнанными в качестве научных.

Сравнительный анализ древнелатинских и исконно русских наименований одних и тех же растений позволяет понять специфику мышления носителей языков разных групп: какими интеллектуальными и познавательными качествами обладали древние греки, римляне, славяне, каким они видели окружающий мир, как воспринимали и оценивали окружающую действительность, каким божествам и героям поклонялись.

Растение обладает в принципе бесконечным числом признаков и отношений с другими объектами действительности. В процессе номинации за основу

берётся один или два каких-либо объективных, реже субъективных признаков. Сопоставительный анализ латинской и русской номенклатур с точки зрения выбора мотивационного признака номинации выявил ряд сходств и различий между ними.

1. В обеих номенклатурах существует группа наименований растений, мотивировочные признаки которых совпадают. Это свидетельствует о существовании семантических универсалий, свойственных всем человеческим языкам. Например, русское *берёза* происходит от праслав. бер «светлый, ясный, белый», латинское *Betula* – от кельт. betu «белый», оба названия указывают на цвет коры дерева. Русское *наперстянка* образовано от слова «напёрсток»; латинское *Digitalis* – от лат. digitus «палец», оба «фитонима» указывают пальцевидную форму венчика цветка. Русское *хвощ* и латинское *Equisetum* (от лат. equus «лошадь» и seta «щетина, жёсткий волос», букв. «конский хвост») указывают на сходство удлинённых стеблей с конской гривой или хвостом. И русское *крушина* (от глагола «крушить»), и латинское *Frangula* (от лат. frangere «ломать») указывают на ломкость древесины. Близкую или сходную этимологию имеют латинские и русские названия *солодки*, *подсолнечника*, *подорожника*, *змеевика*, *багульника*, *хмеля*, *девясила*, *можжевельника*, *череды*, *пшеницы* и других растений.

2. В отличие от первой группы, где выбор признака обусловлен объективно существующими свойствами растения, во второй группе наименований на выбор мотивационного признака значительное влияние оказывают национально-психологические особенности мышления народа, своеобразие его опыта в интеллектуально-познавательной сфере. В названиях этой группы растений можно найти отражение быта и культуры народа. Например, русское *укроп* происходит от слова *кропить* и связано с тем, что на Руси его листья мелко резали и «кропили» ими кушанье перед подачей, а латинское *Anethum* от греч. anaitho «зажигать» указывает на жгучий вкус растения. Русское *рябина* от общеславянского корня ярябь «рябой» дано за структуру коры, а латинское *Sorbus* от кельт. sor «терпкий» – по вкусу плодов. Русское *сушеница* связано с тем, что

растение осушает болотистые почвы, а латинское *Gnaphalium* от греч. *gnaphalon* «войлок, шерсть» дано по войлочно–шерстистому опушению растения. Русское *одуванчик* происходит от глагольной формы одуть, равной литературному слову обдуть и связано с тем, что опушенные семена легко сдуваются с плода ветром или лёгким дуновением, латинское *Taraxacum* (от араб. *taraxis* «болезнь глаз» и *akeos* «средство, лекарство») связано с лечебными свойствами растения. Общеславянское название *белена* известно с древнерусской эпохи и является суффиксальным производным от индоевропейской основы *bhel* «белый». Свое наименование растение получило благодаря своим серо–зеленым листьям с беловатым оттенком, а латинское *Nyoscyamus* (от греч. *hys* «свинья» и *kuamos* «боб») было дано Диоскоридом, подметившим, что свиньи, поедавшие растение с плодами, падали в судорогах и погибали. Разные семантико–мотивационные параметры имеют названия таких растений как *душица*, *безвременник*, *полынь*, *толокнянка*, *пустырник*, *зверобой*, *бессмертник*, *смородина*, *боярышник* и других растений.

Важно подчеркнуть, что в обеих группах общим оказалось использование одного и того же набора мотивировочных признаков, из числа которых каждый язык выбирал актуальный для себя. В основном это такие характеристики растений, которые воспринимались органами чувств или обнаруживались в процессе практической деятельности: цвет, вкус, запах, особенности формы, строения, практическое использование, производимое действие и другие [Туркова, Шиканова 2005: 354–355].

Сравнительный анализ мотивировочных признаков латинских и русских названий одних и тех же растений даёт основания предположить, что и у античных народов, и у древних славян существовало образное восприятие окружающего мира. В качестве примеров приведем греко–латинские и славянские названия некоторых растений.

Русское название *мать–и–мачеха* растение получило из–за сильного различия двух сторон листа: нижняя часть (мать) покрыта мягким белым опушением, а верхняя часть (мачеха) имеет гладкую тёмно–зеленую поверхность;

кроме того, верхняя часть из-за испарения имеет более низкую температуру. Латинское название *Farfara* (от лат. *farfarus* «муконосный») дано по белому войлоку на нижней стороне листьев, создающему впечатление как бы осыпанных мукой.

Ещё одной особенностью исследуемых номенклатур является наличие терминов-эпонимов, образованных от имен собственных, референты которых выступают в качестве своеобразных национальных символов. Как правило, это мифологические или вымышленные личности, герои произведений народного творчества, наделенные ценными в данной культуре чертами.

В качестве примера приведём название *василёк*. Василёк известен с древних времен. Первое упоминание о нём найдено у Плиния Старшего и датировано серединой I века н. э. Родовое латинское название растения *Centaurea* (от лат. *centaureus* «относящийся к кентаврам») древнегреческие ученые Гиппократ, Теофраст, Диоскорид связывали с мифическим кентавром Хироном, который в отличие от своих собратьев, буйных и враждебных человеку, был мудр, справедлив и образован. Хирон был обучен врачеванию, музыке, искусству охоты и прорицания. Он считался наставником многих известных героев древности: Ахилла, Ясона, Асклепия, ставшего покровителем врачей и врачебного искусства. Кентавр нашел, что сок василька обладает свойствами заживлять раны и исцелил им свою рану, нанесенную отравленной стрелой Геркулеса. Именно с тех пор растение получило название Центауреа, то есть цветок кентавра.

Русское название василька произошло, согласно малороссийской легенде, от имени молодого пахаря Василя, бывшего единственным сыном своей матери, в которого влюбилась русалка. Но русалка звала юношу жить в водной стихии, а Василь уговаривал ее остаться на земле. Когда русалка поняла, что не оставит пахарь свою родную землю, она в отчаянии превратила его в полевой цветок, который своей окраской напоминал синеву воды. В память о юноше люди называли цветок Васильком – так, как звала его мать.

Имена персоналий той или иной национальной культуры – это универ-

сальные ономастические единицы, которые способны аккумулировать культурную информацию. Каждый национальный культурный код включает ряд таких персоналий, которые символизируют данную культуру и именами которых оперирует человеческое сознание при отображении и репрезентации научной и языковой картины мира. Определив эти персоналии и сравнив их между собой, можно выявить ценностные ориентации той или иной национальной культуры и тем самым приблизиться к пониманию сущности национальной специфики сравниваемых картин мира. Подобные наименования представляют наибольший интерес для исследования, так как они позволяют выявить истоки национально–культурной специфики научной и языковой картин мира, представленных в разных языках.

Изучение русских названий растений, участвующих в формировании национальной ботанической номенклатуры, представляет интерес для типологической семантики и осмысления роли национально–культурных факторов языка на формирование научной картины мира, запечатлённой на русском языке.

### ***Список литературы***

1. Пиотровский Р.Г. Инженерная лингвистика и теория языка. Л.: Наука, 1979. С. 42.
2. Туркова О.В., Шиканова Т.А. Из опыта сравнения латинской и русской ботанической номенклатур // Материалы Всероссийской 66–й итоговой студенческой научной конференции им. Н.И. Пирогова. Томск: Сибирский государственный медицинский университет, 2005. С. 354–355.